

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

КНИГИ ПО ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РУССКИМИ СИБИРИ

В. Н. Шерстобоев, *Илимская пашня*, т. 1, Иркутск, 1949.

З. Я. Бояршинова, *Население Томского уезда в первой половине XVII века*, Томск, 1950. Труды Томского гос. университета им. Куйбышева, т. 112.

В последние годы внимание советских исследователей недаром привлечено к вопросам истории русского населения Сибири. До сих пор в этой области много неясного. В литературе держатся неправильные взгляды: например, стало традицией рассматривать русских в Сибири как «завоевателей», которые несколько столетий владычествовали над «покоренным» местным населением Сибири и угнетали его. При этом до сих пор смешивают царских воевод и казачьих атаманов, которые «смирляли грозою» местные племена и налагали на них непосильный ярок, и русских «землепроходцев», «промышленных людей», «пашенных крестьян», скромных и смелых героев, в тяжелой борьбе осваивавших огромные просторы Севера, несших туда более высокую культуру и, подобно туземным племенам, жестоко страдавших от воеводско-купеческого гнета. Изучить и нарисовать подлинную историю великого колониационного движения русского народа за Урал, историю проникновения туда земледельческой культуры, взаимоотношения русского трудового крестьянства с местным населением — насущная задача советских историков и этнографов.

Этой задаче посвящен ряд вышедших в последние годы серьезных и ценных книг. Таково исследование В. И. Шункова «*Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в.*» (М.—Л., 1946), уже получившее положительную оценку критики. Такова недавно вышедшая книга В. Н. Скалона «*Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века*» (М., 1951), которой посвящена печатаемая ниже рецензия Л. П. Потапова. Таковы и две книги, о которых здесь пойдет речь.

Особенно большой интерес представляет книга В. Н. Шерстобоева. Ее руководящей идеей является тезис о том, что важнейшая сторона проникновения русских в Сибирь — это распространение там земледельческой культуры.

В. Н. Шерстобоев вполне прав, полагая, что со времени присоединения Сибири к России «основу экономического развития» этой страны составляло «сельскохозяйственное освоение ее пространств» (стр. 3). «Не поиски пушнины, не разведки серебряных жил и золотых россыпей, не промысловая, торговая или промышленная колонизация Сибири, а сельскохозяйственное освоение ее является стержнем экономического развития Сибири» (там же). Именно этим определилось то, что «местные народы» исторически неизбежно «соединили свою судьбу» с судьбами русского народа, — и это оказалось для них благом, — а сама Сибирь превратилась «в русский край», «по составу населения даже более русский, чем были некоторые доуральские и приволжские области» (стр. 4).

Отсюда вытекает огромный научный интерес истории земледелия в Сибири и истории его носителя — русского сибирского крестьянства.

Работа В. Н. Шерстобоева посвящена сравнительно небольшой географической области восточносибирской территории — земле Илимского воеводства — и сравнительно небольшому отрезку истории его населения — с 30-х годов XVII в. по 20-е годы XVIII в. Но в этих пределах автору удалось полно и всесторонне охватить огромный материал, относящийся к истории русского населения. Это оказалось возможным прежде всего вследствие счастливого обстоятельства — сохранения большого количества архивных документов Илимской воеводской избы. Так как огромное большинство документального материала, относящегося к сибирским городам и волостям

XVI—XVII вв., погибло в разное время при пожарах или иначе, то тем большую ценность представляют бумаги, уцелевшие в нескольких местных архивах. Акты бывшего Илимского воеводства как раз дошли до нас в значительном количестве, они хранятся ныне в Иркутском областном государственном архиве. Автор настоящего труда исследовал их со всей возможной полнотой.

В результате получилась работа, обладающая крупными научными достоинствами. Автор проявил не только прекрасное знание огромного фактического материала, не только редкое трудолюбие в его обработке,— им использовано свыше 5 тысяч архивных «дел» (или «единиц хранения») лишь из основного архивного фонда, не считая многих дополнительных материалов. Автор проявил также и свою серьезную методологическую подготовку. Он обладает широким историческим взглядом, умеет правильно и глубоко ставить научные проблемы. Многие из них поставлены автором, применительно к материалу по истории Сибири, впервые.

Содержание книги В. Н. Шерстобоева, собственно, значительно шире ее названия. В ней идет речь не только о «пашне», т. е. о земледелии Илимского воеводства изучаемого времени, о его технике и экономике. В книге говорится о происхождении и составе самого населения бассейна Илима в XVII—XVIII вв., о его общественной жизни, о повинностях и отношении к феодально-крепостническому государству, о системе административного управления, далее о некрестьянском населении области. По каждому из рассматриваемых автором вопросов читатель найдет в книге большой и совершенно новый для науки материал.

Одним из немалых достоинств книги является то, что автор предпосылает своему исследованию (что редко делается в подобного типа работах) серьезное и обстоятельное описание естественной географической среды. Глава I книги названа: «Природные условия для земледелия в Ангаро-Илимо-Ленском крае». Эта глава не является внешним привеском работы: автор делает из нее существенные выводы, важные для понимания самого хода земледельческого освоения Илимского края. Некоторые же из выводов имеют значение и для современных задач развития социалистического хозяйства.

Из многочисленных интересных наблюдений и обобщений автора, которые читатель найдет в рецензируемой книге, отмечу лишь несколько.

Представляет большой интерес уже одно чрезвычайно точное и подробное описание населенных мест Илимского уезда — острогов и слобод (стр. 37—75). Автор во многих случаях сопоставляет данные XVII в. об этих населенных местах с современными сведениями (стр. 68—70, 80—95 и др.). Интересна попытка выяснить происхождение названий этих населенных мест — в подавляющем большинстве случаев от имен или прозвищ их основателей, иногда — от местных географических названий (стр. 75—95).

Не лишено значения наблюдение автора над самым характером заселения изучаемого им края: там преобладали малодворные и даже однодворные поселки (они составляли почти $\frac{3}{4}$ всех поселений). Автор, несомненно, прав, считая такой характер расселения закономерным порождением конкретно исторических и географических условий и наиболее целесообразным способом разрешить задачу — быстро освоить большие пространства почти пустынной земли (стр. 36—37).

Большую заслугу автора составляет его анализ экономической структуры самого населения Илимского воеводства, выяснение классовых противоречий, разьедавших его. Отмечая тот факт, что здесь не было характерной для Московской Руси замкнутости сословий, В. Н. Шерстобоев все же отчетливо видит среди населения изучаемого им края те же общественные классы, эксплуататорские и угнетенные, как во всем государстве (стр. 113 и др.). Он исследует отдельные классовые прослойки в составе крестьянского населения: многосемейные зажиточные крестьянские дворы, мелкие хозяйства, подворники, обротчики, работные люди и пр. (стр. 279—296), а также отдельные группы некрестьянского населения — служилые, посадские, гулящие, ссыльные и др. (гл. VII). Автор ставит вопрос о формах эксплуатации чужого труда в сельском хозяйстве (стр. 279 и след.), уделяет внимание народным движениям протеста против феодально-крепостнического гнета, хотя и оговаривается, что в Сибири, по местным условиям, не было таких крупных крестьянских восстаний, как в Европейской части Руси (стр. 184 и др.).

Бесспорную ценность книги В. Н. Шерстобоева составляет одна из центральных ее глав — глава V, посвященная «Экономике и технике крестьянского хозяйства», где содержится обильный материал по всем сторонам земледельческого хозяйства изучаемого края, включая вопросы о системах земледелия, о посевной площади, урожайности, хлебных ценах и пр. Очень важно, что автор в этой главе останавливается и на таких бытовых сторонах крестьянского хозяйства, на которые редко обращают внимание и историки и экономисты: например, на вопросе о роли женщины и женского труда в крестьянском пашенном хозяйстве (стр. 374—379).

К числу достоинств работы В. Н. Шерстобоева надо отнести серию исторических карт, чертежей, планов, в большинстве извлеченных автором из архивов, а частью составленных им самим (например, две картограммы посевных площадей пашенных крестьян Илимского уезда по данным 1672 г. и начала XVIII в.).

Прекрасная во многих отношениях работа В. Н. Шерстобоева не свободна, однако, от некоторых недостатков, в том числе и существенных.

Важнейшим из них является недостаточная четкость в характеристике типа социально-экономических отношений среди илимского крестьянства. Она доходит до того, что местами автор смешивает эпохи и идет по пути недопустимой модернизации изучаемой им социальной среды.

Это сказывается особенно в вопросе о формах эксплуатации. Наемный труд, вообще говоря, как указывал еще Энгельс («Анти-Дюринг», изд. 6-е, 1934, стр. 194, примеч.), существовал задолго до того, как в капиталистическом обществе он лег в основу всего способа производства, но он существовал тогда «в одиночной, случайной форме». Нет ничего удивительного, что В. Н. Шерстобоев нашел факты отношений найма и у илимских крестьян XVII в. Но он описывает эти отношения так, как будто бы имел дело с развитым буржуазным обществом. «Сибирский крестьянин,— пишет он,— мог беспрепятственно покупать рабочую силу, так же как гулящий человек или вообще неимущий мог без сословных ограничений продавать свою рабочую силу» (стр. 279). Но ведь одно дело свобода от «сословных ограничений», которые действительно могли в этом отношении и не быть тормозом, а другое дело вся совокупность социально-экономических условий, которая в данном случае все же едва ли благоприятствовала развитию капиталистических отношений.

Возбуждает большое сомнение здесь и то, что автор считает возможным без всяких оговорок ссылаться на факты найма «батраков и поденщиков», приводимые Лениным в его работе «Аграрный вопрос в России» и относящиеся к самому концу XIX столетия (стр. 283); автор, видимо, рассматривает эти факты, как вполне аналогичные тому, что наблюдалось в Сибири в XVII в. На ту же работу Ленина он ссылается, и опять без оговорок, также по поводу связи многосемейности двора с наймом рабочей силы (стр. 389). И эти ссылки у него неслучайны. В заключении данной главы В. Н. Шерстобоев приходит к выводу, что в изучаемую им эпоху «происходило формирование буржуазных отношений в крестьянстве» и что «зажиточные крестьянские дворы» превращались «в кулацкие хозяйства» (стр. 296). Очень трудно присоединиться к такому решительному выводу автора. Конечно, развитие крестьянского хозяйства в новоколонизированных землях Сибири происходило при меньших стеснениях со стороны феодально-крепостнического строя, чем в Европейской России с ее помещичьим землевладением, и потому вызревание буржуазных отношений там могло идти быстрее, но все же автор, думается, слишком увлекается и чересчур модернизирует отношения среди сибирского крестьянства XVII в.

В связи с этим можно отметить и другую, более частную, однако существенную ошибку автора. Он полагает, что у пашенных крестьян были и свои «крепостные» (стр. 294; ср. стр. 553—556). Кто же были эти «крепостные»? Оказывается — «преимущественно новокрещенные туземцы, чаще всего женщины и дети» (там же). Но ведь это не кто иной, как ясыри, о которых писалось очень много в исторической литературе о Сибири и которые, по единогласному мнению историков, были рабами. Непонятно, каким образом В. Н. Шерстобоев усмотрел в положении ясырей элемент «крепостничества».

Вряд ли можно согласиться с попыткой В. Н. Шерстобоева категорически отрицать наличие сельской общины у илимских крестьян (стр. 306, 462). Основанием к такому отрицанию служит для автора то, что крестьянский мир не вмешивался в наделение крестьянина землей и что переделов пашни не было. Однако автор упускает из вида, что исторически известны разные виды земельной общины. Архаическая форма этой общины, основанная на «захватном» землепользовании, без всяких переделов и без уравнительности, существовала долгое время на русском Севере (исследована, например, Соколовским); она сохранялась в Западной Сибири вплоть до 1880-х годов, а в Восточной — до 1890-х. Историю превращения этой ранней формы общины в более позднюю уравнительную общину с земельными переделами исследовал хорошо А. Кауфман. Повидимому, с такой ранней формой земельной общины мы имеем дело и среди илимского крестьянства XVII в. Сам В. Н. Шерстобоев говорит, например, об общинном пользовании пастбищами (выгонами) (стр. 305, 320), о переделах «залищечных» земель (стр. 306), о мирском самоуправлении (стр. 462). Ввиду всего этого едва ли можно отрицать существование особой формы сельской общины среди крестьян Илимского уезда в XVII в.

Не вполне ясны рассуждения автора по поводу системы земледелия в Илимском крае в XVII в. Он почему-то смешивает две столь различные системы земледельческого хозяйства, как лядинную или подсеčno-огневую и переложную, видимо, считая их чуть ли не одной и той же системой (стр. 308—309). Не вполне убедительно отрицание автором трехпольного земледелия как особой системы: он допускает наличие трехполья только как «технического частного случая» (стр. 306—8), хотя признает, что под трехпольным севооборотом было до одной четверти всей пашни (стр. 308). Почему бы не признать проще, что система земледелия у илимских крестьян представляла собой сочетание двухполья с трехпольем или, может быть, стадию перехода от первого ко второму?

Совершенно непонятно противоречащее всем фактам утверждение В. Н. Шерстобоева, что крестьяне Илимского уезда сеяли в XVII в. лен. Он говорит об этом очень уверенно и даже пытается установить более точно, где именно были посевы льна (стр. 335—396), хотя с некоторым удивлением отмечает, что прямых данных об этих посевах нет и что в позднейшее время льноводство было совершенно забыто; теперь

илимские крестьяне даже не помнят, что «еще в недавнем прошлом их отцы выращивали превосходный лен» (стр. 337). Можно поверить автору, что лет 30—50 назад посевы льна в Илимском крае существовали, но откуда он взял, что лен сеяли и в XVII в., это довольно неясно. Видимо, на такой вывод натолкнули автора упоминания в документах о холсте, который некоторые крестьяне платили в казну в счет своих повинностей (стр. 335—396). Но совершенно очевидно, что это был не льняной, а конопляный холст; вместе с холстом в тех же текстах документов упоминается пенька, и о посевах конопли автор имеет обильные указания источников. Известно, что пеньковый (конопляный) холст и одежда из него широко употреблялись еще недавно у южных великорусов, в областях, где не было распространено льноводство. Трудно сомневаться в том, что и в использованных В. Н. Шерстобоевым документах говорится о конопляном холсте и что ни о каких посевах льна там речи нет.

Не более убедительно и не более понятно утверждение автора о слабом развитии охотничьего промысла у илимских крестьян (стр. 371). На чем основано это утверждение? Сам автор тут же признает, что соответствующие сведения, которые давали по этому поводу крестьяне, недостоверны, что они «сильно преуменьшались» (стр. 371),— это, очевидно, так и было, по мотивам, о которых нетрудно догадаться. Он же далее указывает на почти поголовное занятие пушным промыслом илимских крестьян в середине XVIII в. (стр. 372). На каком же основании он без всякой критики верит сведениям, которые сам признает недостоверными?

Говоря, впрочем очень коротко, о коренном населении Илимского края, бурятах и тунгусах, В. Н. Шерстобоев приводит о них некоторые интересные сведения, однако и здесь допускает необдуманные утверждения. Так, он отрицает знакомство бурят с земледелием в эпоху до прихода русских, вступая здесь в противоречие с распространенным мнением (стр. 550—551). Но В. Н. Шерстобоев забывает, что мнение о бурятском земледелии дорусской эпохи опирается не только на «несколько отписок и замечаний первых русских землепроходцев» (хотя и от этих указаний источников отмахиваться не следует!), но и на археологические находки, которые свидетельствуют о глубокой древности земледельческой традиции в западном Прибайкалье (см., например, А. Окладников, *Очерки из истории западных бурят-монголов*, Л., 1937, стр. 284, 288, 291, 296 и др.).

В связи с последним вопросом необходимо отметить один не такой уж маловажный недостаток книги В. Н. Шерстобоева. Это то, что он очень мало считаетя с работами своих предшественников. Так, например, упомянутую только что работу А. П. Окладникова, очень богатую по материалу и своим содержанием во многом соприкасающуюся с его собственной темой, автор совершенно игнорирует; он находит один единственный случай сослаться на книгу А. П. Окладникова — и только для того, чтобы отметить неудачное цитирование т. Окладниковым одного документа (стр. 211, примечание). Можно было бы назвать и другие исследования советских ученых, которые напрасно обходит молчанием В. Н. Шерстобоев.

Из других мелких неточностей отметим еще следующие.

На стр. 277—278 автор, цитируя раздельную грамоту (о разделе отцом имущества между сыновьями), именует ее почему-то «завещанием».

На стр. 229 встречается несколько странная формулировка: «Двор (крестьянский, как единица хозяйства) позволял самостоятельно решать все производственные задачи, поэтому (?) он ставился нередко обособленно». Непонятно, как автор представляет себе эту причинную зависимость.

Несколько комичное впечатление производит вполне серьезное употребление В. Н. Шерстобоевым уменьшительных имен. Как известно, правила составления бумаг, посланных на царское имя в Москву, требовали в то время от автора именованного самого себя уменьшительным именем. Но для современного историка — именовать, например, воеводу Дмитрия Францбекова «Митькой» (стр. 31) — довольно странно. Кстати, автор не совсем прав, заявляя, что некоторые уменьшительные имена даже вообще не встречаются в полной форме (там же, примеч.), — все три приводимых им примера имен известны и в полной форме: Ждан, Курбат, Бажен.

Указанные недостатки, существенные и мелкие, конечно, несколько понижают качество работы В. Н. Шерстобоева как исторического исследования. Однако они не влияют на общее весьма положительное впечатление от этого исследования. Основные выводы его могут считаться достаточно доказанными автором. Обильный, добросовестно проработанный фактический материал представляет бесспорный и немалый вклад в науку. Указанные выше достоинства книги далеко превосходят ее недостатки. Надо прибавить, кстати, что они вполне устранимы и при возможном переиздании книги (о чем следовало бы подумать ввиду малого тиража и малодоступности книги, выпущенной краевым издательством) могут без труда быть исправлены.

* * *

То, что В. Н. Шерстобоев сделал для части Восточной Сибири, З. Я. Бояршинова выполнила для значительной части Западной Сибири.

Как правильно указывает З. Я. Бояршинова, история Томского уезда Западной Сибири до сих пор совершенно недостаточно изучена, не только в дореволюционной,

но и в советской науке. Советские историки — С. В. Бахрушин, В. И. Шунков — уделяли внимание из областей Западной Сибири тем землям, которые тяготели к Томскому. Территории же, входившие в «Томский уезд», привлекали к себе меньше внимание исследователей, и население их, как русское, так и коренное, остается малоизученным, в особенности для первых десятилетий существования Томска.

Работа З. Я. Бояршиновой в значительной мере заполняет этот пробел. Автор подошел к своей задаче чрезвычайно добросовестно, обнаружив при этом хорошую подготовку и в методологическом отношении и в смысле владения техникой исследования. Помимо исчерпывающего привлечения всех литературных источников, З. Я. Бояршинова широко использовала архивные материалы, главным образом документы Сибирского приказа XVII в. Но, не удовлетворяясь одними письменными памятниками, она привлекла обильные археологические материалы, в том числе из раскопок, в которых она сама принимала участие. Наконец, З. Я. Бояршинова не упустила из вида и этнографических и диалектологических данных, проявив немалую эрудированность в специальной этнографической литературе. Такая широта охвата разных категорий источников, при умелом их сочетании и правильном использовании, не так-то часто встречается даже в советской исторической литературе.

Работа З. Я. Бояршиновой состоит, не считая вводной главы историографического и источниковедческого содержания, из двух основных, приблизительно равных по размеру частей: одна из них посвящена коренному населению, другая — русскому населению Томского уезда первой половины XVII в. Особое внимание к народам Сибири, жившим там до прихода русских, составляет большое достоинство настоящей книги, чем она, кстати, отличается от работы В. Н. Шерстобоева.

В этой первой половине книги много нового и интересного с точки зрения исторической этнографии Сибири. Автор пытается прежде всего, и довольно удачно, разбраться в вопросе об этническом составе коренного населения «волостей» Томского уезда. Этот этнический состав «был довольно пестрым» (стр. 20). Основное ядро населения составляли тюркоязычные группы, так называемые «татары», которые сами распались на ряд крупных и мелких этнических групп, расселение и взаимоотношения которых автор старается выяснить: там жили еушинцы — самая сильная группа, их южные соседи чаты, с примыкавшими к ним зависимыми «кыштымскими» племенами, более мелкие тюркские группы по р. Оби между устьями Томи и Чулыма, другие тюркские группы — по самому Чулыму и пр. Но часть населения Чулыма, а также некоторых «волостей» по Оби принадлежала не к «татарам», а к «остякам», т. е., видимо, к самодоязычным селькупам.

Для историко-этнографического изучения Сибири весьма полезна работа, проведенная З. Я. Бояршиновой по части названий обитавших в пределах Томского уезда племен, их этнической принадлежности, их географического размещения.

Не менее интересны ее выводы относительно уровня исторического развития, типа социально-экономической структуры этих племен. По этому вопросу, видимо, правильна ее точка зрения, что местное население переживало процесс разложения первобытно-общинного строя и что этот процесс «начался задолго до XVII века» (стр. 75). Родовые отношения постепенно разлагались, обособлялись малые семьи, наряду с родовыми приобретали значение и соседские связи, нарастало имущественное расслоение, наметились основные социальные — по существу уже классовые — группы: «лучшие люди», «средние люди», «бедные люди», «захребетники»; автор пытается на основании конкретных материалов — письменных и частью археологических — охарактеризовать эти группы и проследить зарождавшиеся отношения эксплуатации между ними. Все эти процессы протекали на основе развития производительных сил, характер которых — охотничье-рыболовецкое и скотоводческо-земледельческое хозяйство — Бояршинова довольно удачно исследует.

Исходя из этих данных, автор пытается ответить на вопрос: что представляла собой ясачная «волость» в Томском уезде в первой половине XVII в., какой тип территориального или общественного объединения покрывался этим термином? З. Я. Бояршинова приходит к выводу, что эта волость «представляла собой небольшой производственный коллектив живущих по соседству семей, сообща владеющий местами охоты и рыбной ловли», но члены этого коллектива, имея орудия труда в частной собственности, вели хозяйство уже в значительной мере индивидуально. Основную массу жителей ясачной волости составляли семьи, связанные родственными узами, но наряду с ними появлялись и «неродственники», «друзья», иногда принадлежавшие даже к другой этнической группе» (стр. 64). Этот вывод автора чрезвычайно интересен; из него видно, между прочим, что туземные «волости» Томского уезда XVII в., подобно якутским «волостям» того же времени, представляли собой по происхождению родо-племенные группы, но уже не чисто родственного состава: в них далеко зашел процесс внутреннего разложения.

Не будем останавливаться на других интересных выводах автора, касающихся коренного населения Томского уезда, — по вопросу о происхождении отдельных социальных групп, например, захребетников, о патриархальном рабстве, о «кыштымской» зависимости и пр. Отметим только одну мысль т. Бояршиновой, вполне правильную и имеющую более широкое значение при изучении социального строя народов с не вполне еще развитыми классовыми отношениями. Самую многочисленную прослойку населения томских ясачных волостей составляли «средние люди», — по определению

автора, «основные производители», «свободные рядовые общинники, не утратившие еще своей самостоятельности» (стр. 67). «Наличие массы «средних людей» позволяет думать,— пишет З. Я. Бояршинова,— что в I-й половине XVII в. первобытно-общинный уклад в жизни коренного населения Томского уезда играл еще значительную роль» (стр. 69, то же стр. 75). Эти «средние люди», видимо, представляли собой то же самое, что «чулусные мужики» в якутских волостях, численное преобладание которых приводит к такому же совершенно выводу.

Не меньший интерес представляет и вторая часть книги З. Я. Бояршиновой, посвященная собственно русскому населению Томского уезда в XVII в. Но по многим своим достоинствам она вполне аналогична исследованию В. Н. Шерстобоева, и достаточно отметить лишь важнейшие из них.

З. Я. Бояршинова очень убедительно показывает ту историческую обстановку, в какой находилось местное население в момент прихода русских. Оно страдало от постоянных набегов с юга — калмыков, киргизов, монголов Алтын-хана. Принятие русского подданства ограждало местные племена от этих набегов. Так как «Русское централизованное государство XVII века стояло на более высокой ступени экономического и социального развития по сравнению с калмыцкими и киргизскими княжествами, переживавшими период феодальной раздробленности», то присоединение к России было для населения средней Оби, Томи и Чулыма исторически прогрессивным фактом (стр. 117). Русские принесли в край более высокий уровень производительных сил, более высокую культуру. «С первых же лет существования Томского города в его окрестностях появилось земледелие, принесенное сюда русскими поселенцами и в первую очередь русскими крестьянами» (стр. 149). Помимо земледелия, русские принесли и скотоводство более высокого, оседлого типа с заготовкой кормов на зиму, с устройством скотных дворов, вместо чисто кочевого пастбищного скотоводства местных племен. Вообще «организация хозяйства, виды хозяйственной деятельности русских поселенцев Томского уезда в I-й половине XVII в., по сравнению с видами хозяйственной деятельности туземного населения, были более развитыми и совершенными». Это не могло не оказать «положительное влияние на хозяйство туземцев и в первую очередь на хозяйство ближайших соседей жителей Томского города — томских татар» (стр. 151).

З. Я. Бояршинова очень подробно исследует социально-классовый состав русского населения Томского уезда: разные группы крестьян (государевы пашенные крестьяне, монастырские крестьяне, оброчные люди), различные прослойки служилых людей; выясняет источники притока этих разных классовых групп. Заслуживает серьезного внимания анализ производственных отношений, складывавшихся среди русского населения Западной Сибири. Автор очень хорошо показывает, вопреки мнениям ряда буржуазных историков, господство феодально-крепостнических отношений в Сибири того времени, вскрывает их характерную специфику. Очень убедительно доказывает и то, что постоянная борьба низов русского населения против эксплуататорской верхушки была вызвана не случайными злоупотреблениями отдельных разбойников-воевод или «пришлых московских элементов», а была настоящей антифеодальной борьбой, борьбой «против феодального гнета и эксплуатации». В этой борьбе интересы русских народных масс совпадали с интересами угнетенного местного населения.

«Сибирь была царской колонией,— пишет правильно З. Я. Бояршинова,— со всеми вытекающими отсюда последствиями колониального гнета и эксплуатации туземного населения; но заселение Сибири русскими крестьянами влекло за собой развитие производительных сил Сибири, приводило к сближению туземных жителей с русскими крестьянами-поселенцами. Усилиями русских крестьян осваивались огромные слабо заселенные пространства Сибири, в таежных лесах возникали города, деревни, заимки. Смелые русские землепроходцы открывали своему народу богатства этих краев» (стр. 199—200). Убедительно полемизируя с взглядами многих буржуазных ученых, автор на основании конкретных данных показывает, что «русское заселение Томского уезда привело к развитию здесь более разнообразных видов хозяйственной деятельности, привело не к упадку, а к развитию производительных сил» (стр. 202).

Таким образом, общие выводы книги З. Я. Бояршиновой совпадают с выводами В. Н. Шерстобоева, и обе книги хорошо дополняют одна другую.

В работе З. Я. Бояршиновой имеются, конечно, недостатки, отдельные неточные утверждения. Но нет надобности на них особо останавливаться.

Из недочетов книги упомяну только об одном существенном пробеле, который очень ощущается при чтении особенно первой части работы т. Бояршиновой: это отсутствие историко-этнографической карты, которая должна была бы быть приложена к этой работе. Совершенно несомненно, что для автора не составило бы большого труда такую карту изготовить. Она намного повысила бы значимость данной работы и представляла бы самостоятельную крупную ценность. Достаточно сказать, что на единственной существующей в настоящее время более или менее точной исторической карте Западной Сибири (составленной К. М. Сербиной и приложенной к первому тому нового издания Миллера «Истории Сибири») не нанесена почти ни одна из тех «волостей» Томского уезда, местонахождение которых З. Я. Бояршиновой удалось довольно точно определить и которые она могла бы без всякого труда картографировать.

С. А. Токарев